

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ, ИЛИ ДОБРОТА хуже воровства

Александр Мурашов

Каким должен быть человек, чтобы иметь право и на уважение окружающих, и на самоуважение? Ответ очевиден: он должен быть добрым. Тогда его будут любить и уважать. И сам он будет себя уважать, согреваемый значительностью своей роли на земле: «Я — добрый человек». Вот такого человека, доброго, мы и будем воспитывать. Но добрый человек доброму человеку — рознь. Сегодня — как раз о таком добром, которому вовремя не сообщили, что человеку желательно быть ещё и умным...

Час пик. На автобусной остановке толпа. Натужно распахнулись двери подошедшего «ЛиАЗа», — скорее для того, чтобы показать стоящим на остановке спины, торчащие со всех ступенек. Подошёл другой автобус — неожиданно свободный, — и толпа устремилась в него, образуя у входа что-то вроде причудливого водоворота. Неожиданно прямо у дверей оказался добрый человек. Все — торопятся. А он — добрый. Он тормознул, пропуская вперёд женщину слева. За ней — очевидно, муж, который также рвётся вперёд, хватаясь за куртку жены. Естественно, пропустил и его. И ещё двоих — он же добрый человек, ему важно, чтобы эта доброта не расплескалась в суматохе утренней остановки! Пусть он поедет на следующем автобусе, даже вообще через полчаса, но сейчас он должен пропускать вперёд тех, кто заглушил в себе неуёмное стремление быть добрее, честнее, мягче!

Но за спиной доброго человека — тоже люди! И о них он, вероятно, забыл, загородив доброму десятку человек дорогу в автобус! На него кричат, но он знает, что добрым быть нелегко, и потому молча выслушивает ругань. Его толкают к двери, но не может он лезть в автобус, отталкивая кого-нибудь из тех, кого только что пропускал! Те, что стояли сзади него, в конечном итоге затолкали доброго человека в дверь — но он оказался на нижней ступеньке, и дальше никому уже места не нашлось. Так и остались на остановке те, что по иронии судьбы оказались за спиной доброго человека, который не дал им уехать вовремя, да и сам опоздал на работу...

Когда добрый человек устал быть один, он сделал предложение любимой девушке. Но в тот же день случайно ему позвонила старая знакомая — он не мог, как ещё и человек честный, ей об этом не сказать. Услышанное в ответ вполне сошло бы за пощёчину. «Странно, — размышлял добрый человек, — мне было жалко её терять, и не мог я тихо сбежать к той...»

Затосковал добрый человек, и той, которой сделал предложение, больше не звонил — так и остался наедине с добротой.

И всё-таки он женился. И семью свою строил исключительно на прочном фундаменте человеческой доброты. Правда, начались скандалы, а он не понимал, в чём дело. Прозевал выгодную должность? — Не просто так: назначен его друг, и он, как человек добрый, обязан был уступить дорогу. Сыну набили морду? — Но было бы мелочно и жестоко устраивать разборки, да ещё и в колонию кого-то сажать. Он, как человек добрый, должен был понимать, что обидчик сына сам всё осознает и, конечно, исправится.

Не купил новую машину? — Но у соседей — старая, какими глазами он будет на них теперь смотреть? К тому же он, человек добрый, не мог купить машину на деньги, которые сам отложил на зарубежную турпоездку!

Но друг, которому он уступил должность, почему-то перестал с ним здороваться. Одноклассник, избивший сына, через месяц кого-то ограбил, за что «сел» по полной. Соседи давно ездят на новой машине, сочувственно вздыхая при встрече.

Как-то всей семьёй ехали на дачу — машину завалили полотенцами, одеялами, рубашками, заставили банками, содержимое которых пока вызревало на грядках. Словом, если в машине и было место, то лишь на капоте. Едут — у дороги стоит бабулька и машет рукой: идти тяжело, а до автобуса больше часа! Добрый человек тормознул, выслушал бабульку, вздохнул в ответ и не знает, как поступить. С одной стороны, он добрый человек, и должен помочь бабульке; с другой — в машине жена сидит, сын (он тогда ещё мальчишкой был), а вокруг всё забито дачными приготовлениями. Но делать нечего — доброта сильнее! Пряча глаза, обратился он к жене — выйди, мол, на дорогу, подвезу бабульку и вернусь за вами. За сына побоялся — решил оставить. Но жена — ни в какую: вези на дачу, и всё тут! Но он — добрый человек! Упросил он жену выйти, за ней сын увязался. Поманил бабульку, а та:

— Вижу — добрый ты. Только уж больно глупый. Жена теперь от тебя уйдёт — правильно сделает. А я постою ещё, подожду. Бог с тобой!

А жена как вышла на обочину, так по ней и пошла вместе с сыном, решив к мужу больше не возвращаться.

И сколько ни упрашивал он её вернуться — не помогло: даже не обернулась — так и ушла вместе с сыном...

На работе когда добрый человек торопился на вызов (а работал он врачом), шофёр медицинской машины вдруг сообщил, что сегодня свадьба у его сына, а он вот на работе. Добрый врач отпустил шофёра, заявив, что он сам доберётся до больного: не беда, что нет автобусов, — дойдёт пешком! Водитель понимающе кивнул, а врач отправился пешком. Когда пришёл — больной лежал без сознания, а дочь не захотела слушать о свадьбе в семье шофёра, — накинулась на врача, мол, полчаса назад её отец чувствовал себя гораздо лучше, и не из-за таких ли нерасторопных врачей гибнут люди?

Но добрый человек не устал быть добрым. Он должен им быть — и точка. Что бы ни случилось!

Когда продавщица высыпала ему в пакет в магазине гнилую картошку (он ещё с грустной улыбкой вспоминал жену: та эту картошку запустила бы в неё, только разве это по-человечески?), он держал пакет и не возражал: она, продавщица, не виновата, что такую привезли! И неважно, что пожилая мать дома, когда начнёт готовить, не увидит ни одной целой картофелины, а только покачает головой: главное, что продавщица не виновата — и точка!

А когда к нему, врачу, пришёл жаловаться больной — у него ангина, а по рецепту в аптеке ему пытались выдать желудочные таблетки, — добрый человек понял: медсестра перепутала рецепты, но ничего ей не сказал — сама, наверное, мучается, и было бы верхом неприличия её ещё и ругать!

Ехал в электричке — собирался у торговца мелочь какую-то купить, но пришёл

второй, с таким же точно обувным кремом. Добрый человек так и не решил, у кого покупать: отдашь деньги одному — обидится другой. Он вообще не стал ничего брать, и оба торговца отошли от него с какой-то непонятной обидой, а он именно этого и не хотел. Кроме того, ботинки так и остались грязными.

Так и повелось. Продавщица то подмороженной картошки ему насыплет, то порченных яблок. Медсестра выдавала рецепты не глядя — сами разберутся, не дети! А в электричке у коробейников если он что и брал, то украдкой, пока другой не пришёл с таким же товаром.

Однажды со своей знакомой в метро из театра возвращался. Дело у них уже к свадьбе шло. Сидели рядом, разговаривали о чём-то. Но увидел прямо над собою даму средних лет, державшуюся за поручень. Он, конечно, сразу вскочил, уступая ей место. Дама посмотрела на него, поблагодарила. Но не села, — ей очень хотелось быть совсем юной, и для этого она употребляла, казалось, все доступные средства макияжа. Он ещё раз пригласил садиться, сказав, что он — мальчик в сравнении с ней, и понимает, как ей тяжело. Но вместо того чтобы сесть, она только фыркнула: «Тоже мне, острослов!» — и ушла в другой конец вагона. Ничего не понимая, добрый человек взглянул на свою спутницу — на его месте на коричневом диване уже сидел какой-то молодой человек и играл с мобильником, а знакомая стала как-то странно на него, доброго, смотреть.

Однажды посмотрел на сына — тот не поступил в институт, и теперь готовился идти в армию. Надо сказать, без особого энтузиазма отнёсся парень к этой перспективе.

— И всё ты, отец! Я получал тройки — ты говорил: «Хорошо», — и я решил, что ничего другого мне и не нужно. Я не делал уроки — ты говорил: «Пусть отдохнёт», — и я отдыхал, пока другие учились. Я прогуливал

занятия — мать огорчалась, а ты твердил: «Ничего, всё будет как надо», — и вот результат — школу едва закончил, институт не для меня. Что ты наделал?! Разве доброта в том, чтобы помогать быть придурком?»

Добрый человек нахмурился. Но понять он мог только одно: надо быть добрым человеком. Пусть из-за его медсестры ещё несколько больных купили не то лекарство. И пусть очередная голосующая на дороге бабулька обзовёт его глушом и олухом царя небесного, а жена уйдёт. Пусть сын хватает тройки, а очередная молодящаяся красотка бежит в другой конец вагона. Главное — быть добрым!

Стало аксиомой, что предметы учителей, прославивших «добрыми», ребята не знают и регулярно заваливают при поступлении в вуз, если приходится сдавать. Ответ в этих случаях один: «Я не делал уроков: учительница добрая была». Говорят это, разводя руки и словно поражаясь своим же словам, содержащим настоящее открытие для молодого человека. Стало расхожими байками, что чересчур добрый врач, в ужасе и со слезами отскакивающий от больного, изо всех сил жалея его и пытаясь трясущимися от припадка доброты руками сделать укол, оказывается убийцей. Точно так же сотрудник ГИБДД, по доброте не оштрафовавший пьяного водителя и отпускающий его продолжать рейс, рискует жизнью по меньшей мере благодетельствованного им автомобилиста. И таких ситуаций и примеров — море. Так что же такое доброта: качество по-настоящему состоявшегося в жизни человека или преддверие многочисленных ошибок, сбоев и даже преступлений? Когда она незаменима, а когда действительно хуже воровства? Когда она — воплощение высоких чувств, а когда — следствие обыкновенной слабости и глупости? **В.Ш**